

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

ПИСЬМЕННЫЕ ПАМЯТНИКИ
И ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ
НАРОДОВ ВОСТОКА

ХІІ ГОДИЧНАЯ НАУЧНАЯ СЕССИЯ ЛО ИВАН СССР
(краткие сообщения)

октябрь 1977 г.

Издательство "Наука"
Главная редакция восточной литературы
Москва 1977

(Далее - Никитина, Троцевич). Текст см. *삼국유사*, 평양 1960, с.540. (Далее - Самгук юса).

⁴ Текст хянга, его расшифровки и толкования см. *흥기문
항가해석*; 평양 1956, с.73-103.

⁵ Ким Бусик, Самгук саги, М., 1959, с.135-136. Самгук юса, с. 368-373. Там же см. о соперничестве в красоте хваранов-наследниц. Об этом также см. Никитина, Троцевич, с.79, 100.

⁶ Ср. легенду о Ходоне и аннанской принцессе: "...Аннанский ван Чхвери... увидев его, спросил: "Глядя на вашу красоту, спро- скажешь, что вы не простой человек. Уж не сын ли вы государя Северного царства Син-вана?..." Легенду в переводе А.Ф.Троцевича см. Никитина, Троцевич, с.125-126. Текст см. *三國史記*, 평양, 1958, т.1, с.377.

Г.Г.Свиридов

О МЕХАНИЗМЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ СЭЦУВА (на примере "Повествования, собранного в Удзи")

Любое крупное произведение литературы сэцува, в том числе "Повествование", опирается в значительной мере на текст, хорошо известный и по другим письменным памятникам или бытовавший в устной традиции. Так, по подсчетам японских литературоведов, на 2/3 текст "Повествования" имеет близкие или почти тождественные варианты в современных ему или более ранних литературных памятниках, имевших хождение в той же среде, где распространялось и само "Повествование". Оставшаяся 1/3 "Повествования", не имеющая текстовых вариантов в других памятниках, объявляется японскими литературоведами свидетельством определенной творческой струи в "Повествовании". Некоторые из этих исследователей соблазняются открывающейся здесь возможностью арифметически установить творческий уровень "Повествования" и объявляют, что это произведение на 1/3 представляет собой "самостоятельное творчество". Думается, дело обстоит сложнее. Прежде всего, "самостоятельность" 1/3 текста памятника, не имеющей источников или вариантов в письменной литературе, должна быть оспорена. Стилистические особенности

этой части памятника сближает ее с живой устной традицией и заставляют сомневаться в авторском, "независимом" ее происхождении.

В данной работе мы намеренно сужаем вопрос о творческом характере литературы сэцува, ставим его лишь в одной конкретной плоскости. Мы попытаемся представить, каким образом ощущал творческий характер литературы сэцува современный ей читатель. Иначе говоря, здесь рассматривается вопрос о механизме художественного воздействия сэцува.

Важная особенность литературы сэцува заключается в том, что для автора-составителя собрания сэцува нет представления о "моем" и "чужом", представления о плагиате. (Эта особенность авторского подхода к материалу, естественно, разделялась и читателем; многочисленные заимствования были оправданы в его глазах и эстетически, и чисто психологически). Существовал некий набор текстов-сэцува, так сказать, "мир сэцува", как зафиксированных письменно, так и имеющих устное хождение. Подчеркнем, что речь идет именно о текстах, а не о сюжетах, ибо и в устной традиции бытовали, видимо, устойчивые клише, регламентировавшие текст и способствовавшие его четкой стилистической (а в большой мере — и фразеологической) организации. Из числа бытующих текстов автором-составителем отбирается некая их сумма, и творческая воля автора проявляется на этом этапе в особенностях отбора. Это — начало творческого процесса. Затем следует второй этап — организация отобранного материала в новую систему, отображающую не столько конкретный композиционный замысел автора, сколько его мировоззрение, его концепцию мира.

Охарактеризованная особенность литературы сэцува может быть названа интертекстуальностью. Интертекстуальность в художественной системе сэцува носит всеобъемлющий характер. Соотнесение данного варианта текста (включенного в памятник) с имеющимися другими вариантами, их "взаимоналожение" само по себе дает некий художественный эффект, который может быть назван эффектом интертекстуальности.

Сопоставление вариантов дает основание утверждать, что на уровне "языковой ткани" произведения принцип интертекстуальности прежде всего находит свое выражение в систематическом использовании фразеологических клише, которые сознательно или бессознательно переносятся в новую художественную структуру. При этом следует отметить, что установление степени клишированности того или иного текста, включенного в новую структуру, в принципе помогает уяснить идейно-художественные позиции автора.

Такая заданная особенностями текста его "сопоставимость", "соотносимость" с историко-литературным контекстом, проявляющаяся на столь конкретном, осязаемом уровне, своеобразное "тесное взаимодействие" однородных (часто — однообразных) элементов в разнохарактерных художественных структурах (различных сборниках сэцува) вытекают, видимо, из общей эстетической установки литературы сэцува, которую мы предлагаем называть дискурсивностью.

Фразеологическое клиширование — это конкретное проявление и вместе с тем — частный случай "дискурсивности" поэтической системы сэцува. Дело, однако, не сводится только к такому, внешне элементарному, "механическому" действию дискурсивности. Перенесение, заимствование фразеологических клише и даже использование стереотипных рассказов как цельных блоков — не самоцель и не следствие творческой инерции авторов литературы сэцува. Это часть принятой ими единой художественной системы. Действие дискурсивности в сэцува можно проследить не только там, где она проявляется наиболее наглядно — в использовании стереотипов. Дискурсивность глубоко проникла в художественную ткань сэцува. Дискурсивный характер носит, например, такой важный элемент поэтики сэцува, как деталь. Своеобразной "дискурсивной" деталью может являться, например, как бы случайное упоминание в той или иной сэцува о человеке, не являющемся персонажем данной истории, введение топонима или реалии, наконец, просто какая-то внешне, текстуально никак не выделяемая деталь описания. Не раскрываемый в тексте смысл такой детали может быть уяснен и опозитивирован лишь в результате логической дискуссии, обращения к историко-литературному контексту.

Подобная свобода обращения к материалу, лежащему вне данного текста, без сомнения, заложена в основе художественной системы литературы сэцува и зиждется на понимании (внутреннем понимании, так сказать, заложенном в самом жанре генетически) интертекстуального характера этой литературы. Эта свобода обуславливает естественную легкость дискурсивных построений, на которых основан в большой мере подтекст "Повествования" (напомним — подтекст формообразующий). Значительная часть поэтического и чисто смыслового содержания данной системы сэцува (то есть конкретного памятника) без дискурсивных построений просто не поддается раскрытию, дешифровке.

В сэцува нет ничего случайного, лишнего. Каждая деталь здесь — значима, но только для того читателя, который свободно ориентируется во всем богатстве мира сэцува. Контекстуальное осмысление дискурсивных деталей-символов, видимо, составляло суть или, во всяком случае, одну из важнейших притягательных черт для читателя литературы сэцува. Проводя внетекстовые параллели, отыскивая историко-литературные ассоциации, иначе говоря, погружаясь в стихию дискурсии, читатель как бы активно соучаствовал в процессе творчества. Думается, именно этот момент составлял основу эстетической притягательности литературы сэцува.

"Дискурсия", опирающаяся на интертекстуальность, — это один из важнейших элементов поэтики данного жанра, вычленяемый на уровне отдельно взятой сэцува. Однако помимо соотношения отдельно взятой сэцува с ее вариантами, помимо дискурсивного выявления смысла деталей-символов, существует еще и некая система "глобального" взаимосотнесения и "взаимоналожения" отдельных сэцува как единых художественных блоков внутри данной структуры сэцува, внутри конкретного памятника. Эта система представляет собою как бы высшую ступень в той "лестнице уровней" эстетического воздействия, которую мы взяли за основу для охарактеризовать в настоящей работе.

Разнородные рассказы сборника сэцува сливаются в единую гармоничную структуру в значительной степени именно благодаря тому, что их сопряжение, взаимосотнесенность по замыслу автора создает некий художественный эффект. Эта взаимосотнесенность тесно увязывается, в частности, с принципом поэтики сэцува, охарактеризованном нами как "серия" (суть принципа "серии" в построении групп рассказов, объединяемых по единому тематическому признаку, по персонажам, по поэтическому настроению).

Система взаиморасположения сэцува в конкретном памятнике и основанный на ней эффект художественного воздействия, когда отдельные сэцува, "взаимодействуя", художественно обогащают друг друга, что придает эстетическую многозначность всей системе, видимо, основана в значительной мере на том "механизме, благодаря которому литературный текст выявляет (иронически, гротескно, юмористически) другой текст, группу текстов, определенные признаки жанра, школы, литературного направления" (К.Буше). Этот "механизм" Буше условно определяет как "народичность".